VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

Алексей Горбылев
Мацумура Сокон («Великие мастера карате»)

Алексей Горбылев.
Мацумура Сокон (1809-1901)

Мацумура Сокон

Мацумура Сокон почитается на Окинаве как основоположник стиля каратэ Сюритэ – Рука Сюри, давшего начало стилю Сёрин-рю, одному из самых влиятельных направлений современного каратэ.

Этот стиль унаследовал традицию каратэ, разработанную несколькими поколениями дворян из Сюри – столицы Окинавы и резиденции ее короля. Город Сюри был в ту пору средоточием политической жизни Рюкю. Отсюда отправлялись дипломатические миссии в Пекин ко двору китайского императора, сюда прибывали официальные посольства из Китая. Имея дело с высокопоставленными китайскими чиновниками, дворяне из Сюри перенимали у них приемы боя и методы тренировки. В результате синтеза разнородных технических элементов и стилей, с которыми окинавцам удалось познакомиться в ходе этих контактов, постепенно сложился самостоятельный стиль каратэ, который окончательно и оформил Мацумура.

Точные даты рождения и смерти Мацумуры неизвестны. Нагами-нэ Сёсин отыскал сведения о том, что в 1897 г. мастер отпраздновал собственное 88-летие. Исходя из этой информации, он высчитал, что Мацумура родился в 1809 г. Мияхира Кацуя из школы Коба-яси-рю и ряд других специалистов утверждают, что умер мастер в возрасте 92 лет. Соответственно, если он действительно родился в 1809 г., то умер приблизительно в 1901 г. В настоящее время эти даты жизни мастера признаны большинством исследователей, но называют и другие – 1796/1798/1800-1884/1899.

Телохранитель трех королей Рюкю

Мацумура Сокон родился в деревне Ямакава, что находилась в Сюри к западу от королевского замка. Это был очень одаренный человек, умный, проницательный, замечательный каллиграф. В тех благоприятных условиях, которое ему обеспечило благородное происхождение, он получил прекрасное классическое образование окинавского дворянина: закончил начальную школу в родной деревне, а потом, предположительно, в 19-летнем возрасте, в 1829 г., – школу для подготовки чиновников в Сюри, сразу успешно сдал экзамен на высший гражданский чиновный ранг и поступил на государственную службу.

В то время на престоле находился 17-й король династии Сё по имени Ко (прав. 1804-1828). Правителем он стал в возрасте 18 лет, можно сказать, случайно, благодаря счастливому для него стечению обстоятельств. Человек он был совершенно безалаберный и

мало заботился о благосостоянии страны. Помимо жены, он завел себе еще 10 наложниц и проводил все время в занятиях любовными утехами и пьянством. Сацумское правительство относилось к Сё Ко крайне настороженно, не доверяло ему, справедливо полагая, что такое правление может пагубно сказаться на экономике острова, а, значит, и на доходах Сацумы. Поэтому в 1828 г. оно добилось смещения Сё Ко с трона, а на его место посадило нового короля – Сё Ику (прав. 1829-1847).

Японский исследователь Фудзивара Рёдзо предполагает, что Мацумура Сокон с осени 1829 г. стал служить телохранителем у отставленного Сё Ко и жить вместе с ним в поместье Минатогэва, где Сё Ко вел жизнь затворника. По его мнению, Мацумура был приставлен к Сё Ко не столько для защиты от врагов, сколько, чтобы удерживать в узде его эксцентричные, безудержные порывы. Намек на это видится ему в том, что, по слухам, которые ходили среди жителей Сюри, Сё Ко был убит по приказу группы влиятельных лиц, заправлявших политикой рюкюсского двора, или же покончил с жизнью самоубийством, доведенный ими до отчаяния (в официальных источниках, правда, говорится, что гибель Сё Ко была связана с какой-то серьезной психической болезнью). Похоже также, что Мацумура был не по нраву Сё Ко, который не любил его за прямолинейность. Рассказывают, будто однажды каратист довел его до такого бешенства, что Сё Ко даже приказал посадить его под домашний арест! В конце концов, не поладив со своим неугодливым «телохранителем», он отослал в Сюри ко двору короля Сё Ику.

По возвращении в замок Сюри Мацумура стал личным телохранителем (о-собамаморияку) короля Сё Ику и служил ему верой и правдой на протяжении многих лет. После смерти Сё Ику Мацумура в уже солидном возрасте стал телохранителем последнего рюкюсского короля Сё Тай (1848-1879) и занимал этот пост, предположительно, до 1860 г.

Изучение каратэ

Из того, что Мацумура в течение трех правлений занимал пост телохранителя короля, можно предположить, что он пользовался особым доверием рюкюсских правителей и обладал незаурядным боевым мастерством. Однако как он его приобрел, мы почти ничего не знаем. Особенно много неясного в вопросе о том, как будущий великий мастер каратэ познакомился с этим боевым искусством.

«Учитель „тэ“ Мацумуры Сокона точно неизвестен, но говорят, что уже с детских лет он полюбил воинские искусства и уже в 17 или 18 лет приобрел известность в кругах любителей боевых искусств», – пишет Нагаминэ Сёсин.

Широкое распространение получила версия о том, что первым учителем Мацумуры в каратэ был Сакугава «Тодэ» – один из самых первых известных каратистов Окинавы. Некоторые авторы обставляют историю взаимоотношений Мацумуры и Сакугавы самыми, что ни на есть, трогательными подробностями, сообщают, что отец Мацумуры, окинавский дипломат и высокопоставленный чиновник, был другом Сакугавы. Он рано лишился жены и на смертном одре просил приятеля позаботиться о его трехлетнем сыне – будущем Соконе. Сакугава выполнил этот наказ и растил как собственного сына. В самом раннем возрасте под его руководством Мацумура начал постигать премудрости боя голыми руками, упорно тренировался, за что получил от восхищенного его успехами наставника прозвище «Буси» – «Мастер каратэ»– и к 17-18 годам стал сильнейшим мастером каратэ на Окинаве. :

Несмотря на всю привлекательность этой истории, в ней есть одна проблема. Дело в том, что в источниках никаких сообщений даже просто о личном знакомстве Мацумуры с Сакугавой, не говоря уже о перечисленных подробностях, нет. Известно лишь, что Сакугава был старшим современником Мацумуры, правда, с датировкой его жизни тоже есть проблемы. Так, до относительно недавнего времени большинство историков каратэ считало, что Сакугава жил в 1733-1815 гг., хотя некоторые, например, американец Б. Хайнес, утверждали, что родился он на добрых полстолетия ранее. Но затем, исследуя «Реестры наместников островов Яэяма», специалист по истории Рюкю Нагаминэ Сёсю обнаружил

записи, свидетельствующие о том, что в 1835 г. тогдашний король Сё Ику назначил 54-летнего чиновника по имени Тэруя тикудон-но пэйтин Канга губернатором на островах Яэяма и в награду за его заслуги пожаловал ему остров Сакугава, по которому чиновник стал называться Сакугава Канга. Если это и был тот самый «Тодэ» Сакугава – а так в настоящее время считает большинство исследователей, то по расчетам получается, что родился он в 1782 г., на полвека позднее, чем считалось ранее. Отыскались и потомки Канга. Они сообщили, что Сакугава Канга прожил более восьмидесяти лет, и, если считать от 1782 г., то умер он около 1862 г. „Если эти. данные соответствуют действительности, то правильные даты жизни Тодэ Сакугавы –1782 –ок. 1862 гг.

Потом оказалось, что сохранились и потомки другой, боковой ветви рода Сакугава. Один из них, Сакугава Тёсе, из семейных преданий узнал, что Сакугава Канга был похоронен в Пекине, где находился с окинавской дипломатической миссией. Во время поездки в Пекин в 1932 г. он сумел разыскать его могилу на особом кладбище, где хоронили официальных лиц, приезжавших из вассальных Китаю государств. На небольшом памятнике, установленном на ней, значилось, что Сакугава умер в 17-й год Даогуан, т.е. в 1837 г. В соответствии с дальневосточной традицией, сообщалось, что в пору кончины ему было 56 лет от роду. Таким образом, по мнению Тёсе, правильные даты жизни «Тодэ» Сакугавы – 1782-1837 гг. Правда, во время войны кладбище было разрушено, так что каким-то образом проверить информацию этого источника мы уже не можем. Тем не менее, эту датировку признает правильной Фудзивара Рёдзо.

Если исходить из этих сведений о Сакугаве, можно сделать вывод, что Мацумура вполне мог быть с ним знаком – как по времени жизни, так и по положению в чиновном аппарате, хотя, повторюсь, никаких конкретных подтверждений того, что он у него учился каратэ, нет.

Другой «кандидат» в учителя Мацумуры – Макабэ Тёкэн по прозвищу «Сямо» – «Боевой петух». Макабэ удон – род весьма знатный, связанный родственными узами с королевским родом Сё. Как установили историки, Макабэ Тёкэн родился в 1769 г. в качестве третьего (по другой версии – четвертого сына) Макабэ адзи Тёги. По предположениям исследователей, ему довелось изучать ушу в Пекине, и он достиг в этом искусстве довольно высокого уровня. По мнению Ара-гаки Киёси, исходя из тридцати или сорокалетней (в зависимости от даты рождения Мацумуры) разницы в возрасте между Макабэ и Мацумурой, можно предположить, что умудренный жизнью Макабэ мог быть идеальным наставником для энергичного юноши. Но, опять-таки, никаких фактов, подтверждающих эту версию, не найдено.

Зато совершенно неожиданно обнаружились сенсационные сведения об изучении Мацумурой японской школы фехтования мечом Дзигэн-рю.

Изучение Дзигэн-рю

Отцом сенсации стал известный окинавский мастер каратэ и основатель школы Мацубаяси-рю Нагаминэ Сёсин. По его воспоминаниям, приблизительно в августе 1942 г. для исследования генеалогии семьи Мацумура он посетил дом праправнучки мастера в г. На-ха. В ее доме в ящичке буддийского алтаря Нагаминэ обнаружил мэнкёдзё – мастерскую лицензию – по школе Дзигэн-рю и листок цветной бумаги со стихотворением на нем, которые Мацумуре вручил сацумский мастер кэндзюцу Исюин Яситиро.

Мэнкёдзё представляло собой свиток. Видимо, из-за небрежного хранения он поразительно выцвел, верхний и нижний края его были очень сильно истрепаны. Кроме того, лицензия была написана скорописью с большими подтеками туши, так что прочесть можно было только отдельные фразы.

На листе цветной бумаги было написано стихотворение, которое вручил Мацумуре его наставник Дзигэн-рю:

Чем больше я гляжу тебе в лицо, тем горше расставание
При мысли, что уезжаешь ты на родину…

Исюин Яситиро. Адресовано Мацумура пэйтин-доно.

Нагаминэ скопировал это стихотворение, благодаря чему мы сегодня можем с ним познакомиться, поскольку оригинал погиб во время большой бомбардировки Окинавы 10 октября 1944 г. В тот же день сгорел и дом праправнучки Мацумуры, так что от него не осталось и следа. В страшном пожаре погибла и генеалогия семьи Мацумура, и все предметы, связанные с великим мастером.

Школа Дзигэн-рю, которую довелось изучать Мацумуре, была секретной школой княжества Сацума, к изучению которой допускались только вассалы дома Симадзу. Отличительная особенность ее – необычайная агрессивность: за исключением техники боя против копейщика, во всех остальных случаях Дзигэн-рю настаивает на решительной атаке противника. По этой причине в ней даже не существует оборонительных позиций. При этом Дзигэн-рю требует, чтобы фехтовальщик был способен первым же ударом рассечь противника «на полы» и таким образом мгновенно окончить бой. Для выработки такого сокрушительного удара используется упражнение татикиути – «удары по стоящему дереву». В нем фехтовальщик использует дубовую палку с неснятой корой диаметром около 3 см и длиной около 120 см, которой попеременно наносит удары справа и слева по стоящему дереву или столбу. Нормой считается ежедневное повторение 11000 таких ударов – 3000 утром и 8000 вечером. Последователи Дзигэн-рю полагают, что фехтовальщик может «поставить» базовые движения за 3 года таких тренировок.

В период военных столкновений середины XIX в. самураи из Сацумы, прошедшие подготовку по школе Дзигэн-рю, сражавшиеся на стороне антисёгунской коалиции, наводили ужас на своих врагов. Даже такой прекрасный фехтовальщик, как Хидзиката Сайдзо, заместитель командира карательного отряда сёгуната Синсэнгуми, возможно, знакомого читателю по художественному фильму «Табу», предостерегал своих подчиненных от стычек с бойцами Дзигэн-рю. Эти предостережения диктовались опытом и кровью, пролитой в боях с самураями Симадзу: в одной из стычек с воинами Синсэнгуми известный мастер Дзигэн-рю того времени Накамура Хандзиро за несколько минут прикончил девятерых противников и ушел безнаказанным.

Фудзивара Рёдзо выдвинул две гипотезы относительно того, при каких обстоятельствах Мацумура начал изучать школу Дзигэн-рю.

Обе они связаны с представительством Сацумы на Окинаве, которое возглавлял японский наместник – дзайбан бугё. Достоверно известно, что все сацумские наместникики на острове были знатоками Дзигэн-рю.

Согласно первой гипотезе Фудзивары, Сокон начал овладевать японским фехтованием еще до сдачи экзамена на чиновничью должность и назначения на пост телохранителя Сё Ко в 1829 г. Собственно, назначение на эту должность, возможно, явилось признанием его успехов в овладении искусством меча. Если это предположение верно, то первым учителем Мацумуры в Дзигэн-рю мог быть дзайбан бугё Сибуя Кимидзаэмон Цурамити из ветви Якумару Дзигэн-рю, который был наместником на Окинаве в 1826-1828 гг.

По другой гипотезе Фудзивары, знакомство окинавца с Дзигэн-рю состоялось уже в 1830-е гг. после возвращения из поместья Мина-тогава в Сюри, когда Мацумура познакомился и завязал дружеские отношения с тогдашним дзайбан бугё Матида Минору. Возможно, эта дружба и стала ключиком, открывшим окинавцу возможность знакомства с секретной школой фехтования княжества Сацума.

Как полагает Фудзивара, Мацумуру так заинтересовала эта традиция боевого искусства, что он стал буквально терроризировать Матиду, упрашивая его преподать ему фехтование. Однако Дзигэн-рю считалась секретной школой Сацумы, и специальный указ князя Симадзу категорически запрещал даже демонстрировать ее самураям из других княжеств. Однако, несмотря ни на что, в конце концов, окинавцу удалось добиться

разрешения изучать Дзигэн-рю. Правда, видимо, пришлось подписать клятвенное письмо, адресованное сацумскому представительству на острове, в котором Мацумура обязался «изучать школу Дзигэн-рю только в одиночку и ничего не передавать другим». Как бы то ни было, Мацумура уговорил кого-то из двух упомянутых наместников, начал изучать японское фехтование мечом и вскоре достиг в этом деле больших успехов.

Тем временем Мацумура получил назначение на службу в рюкюсском представительстве в Кагосиме, столице Сацумы. Естественно, он не хотел упустить эту замечательную возможность поучиться фехтованию у лучших сацумских наставников. Тогда Матида Минору, то ли по своему почину, то ли по просьбе своего предшественника Сибуя Кимидзаэмона, написал для Мацумуры рекомендательное письмо в главное додзё Дзигэн-рю, в котором преподавал наставник Исюин Яситиро.

Так тренировался Мацумура

Как предполагает Фудзивара, Мацумура впервые приехал в княжество Сацума в 14-й день 6-й луны 1832 г. К тому времени за его плечами, видимо, было уже несколько лет занятий Дзигэн-рю. Как рюкюсский чиновник, Мацумура поселился в представительстве своей страны Рюкюкан, которое размещалось к востоку от замка Цуру-мару-дзё, в котором жил сам князь Симадзу. Вскоре после приезда в Кагосиму он передал кикияку –японскому чиновнику по связям с Рюкю, приставленному к рюкюсскому представительству, – рекомендательное письмо от окинавского дзайбан бугё, аналогичное письмо рюкюсского правительства, а также личную письменную клятву. Такая ситуация не имела прецедентов, и, вероятно, сацумским чиновникам пришлось немало поломать головы над просьбой окинавца, но, в конце концов, они дозволили ему приступить к изучению Дзигэн-рю – все-таки Мацумура был телохранителем короля Сё Ику и имел рекомендательное письмо от имени наместника. О том, что занятия Мацумуры были санкционированы правительством Сацумы, свидетельствует предание, согласно которому окинавец ранним утром восходил на гору Тансиндзё, где занимался упражнениями в татикиути – дело в том, что рюкюсские чиновники могли покидать Рюкюкан только при наличии специального разрешения сацумской администрации.

От Рюкюкан до додзё наставника Исюин, где стал учиться Мацумура, по прямой около полутора километров. Тренировки в нем обычно проходили с 10 часов утра до 4 часов дня.

Рассказывают, что Мацумура появлялся в додзё уже в 9 и в течение часа упражнялся один. Исходя из данных о стандартной тренировке в Дзигэн-рю и преданий окинавских каратистов, Фудзивара восстанавливает график занятий окинавского мастера. Он полагает, что Мацумура ранним утром в течение часа занимался практикой татикиути на горе Тансиндзё-дзан, нанося до 3000 ударов деревянным мечом, затем в одиночку час тренировался в додзё, потом в течение 2 часов упражнялся с партнером, а по вечерам еще в течение 2 часов тренировался в татикиути, нанося до 8000 ударов. Таким образом, Мацумура ежедневно занимался фехтованием по 6 часов, проявляя замечательное упорство и быстро совершенствуя свое мастерство.

Фудзивара предполагает, что приказ о возвращении Мацумуры на Окинаву доставил посланник короля Сё Ику Тибана пэйтин Тётоку, приехавший в Сацуму в 21-й день 6-й луны 1834 г. По случаю отъезда окинавца в признание его упорства и достигнутого мастерства главный наставник додзё Исюин, вероятно, дал разрешение передать ему технику высшей, четвертой ступени знания школы Дзигэн-рю «Унки» («Сияние среди туч»), а затем вручил ему мастерскую лицензию и прощальное стихотворение, которые и нашел Нагами-нэ. Всего Мацумура, предположительно, провел в Кагосиме 2 года и 2 месяца, на протяжении которых упорно тренировался в Дзигэн-рю. На родину, по расчетам Фудзивары, он вернулся в 1836 г.

Нагаминэ пишет, что Мацумура ездил в Сацуму дважды, но о второй поездке мастера мы, к сожалению, ничего не знаем.

Загадка «И Ва»

Из воспоминаний Фунакоси Гитина известно что, наряду с Маэдзато и Кодзё из Кумэ, Мацумура учился каратэ в Китае у некоего «И Ва» из школы «Шаолинь» (Сёрин-рю).

Итак, известно, что Мацумура ездил в Китай и, возможно, даже не единожды (Нагаминэ, например, говорит о двух поездках). Но когда именно? Куда? С какими целями? На какой срок? Как познакомился с мастером «И Ва»? Что это был за человек? Чему и как долго Мацумура у него учился? К сожалению; обо всем этом можно только догадываться.

Вряд ли мы ошибемся, если будем исходить из того, что Мацумура ездил в Китай легально, в качестве официального чиновника какого-то уровня. Главный телохранитель короля – слишком заметная фигура, чтобы проделывать такие поездки тайком. Да и зачем ему такие приключения, когда все можно сделать вполне законно? Это допущение сильно облегчает жизнь исследователю, так как все официальные миссии в Китай известны наперечет и неплохо документированы.

Анализируя факты биографии Мацумуры в контексте данных о дипломатических миссиях в Китай, Фудзивара Рёдзо приходит к выводу о том, что Мацумура ездил в Китай в 1836 г., в год возвращения из Сацумы на остров, в составе посольства во главе с полномочным послом Ко Дайкю и послом для передачи дани цинскому двору Сон Кою.

По заведенному обычаю, корабли с данью-окинавского двора китайскому императору обычно отплывали из порта Наха в средней или последней декаде марта. Миссии с данью обычно состояли из двух кораблей: главного корабля и корабля сопровождения. На борту главного корабля находилось 120 пассажиров и членов экипажа. Корабль сопровождения был поменьше и принимал лишь 70 человек. Собственно дипломатическая миссия обычно включала в себя около 20 человек: посла, его заместителя, переводчиков, писцов, телохранителей, слуг и др. Выйдя из Нахи,окинавские корабли шли по прямой до острова Кумэ, где останавливались на один день, а затем плыли до китайского порта Асу в Фучжоу. Этот путь они проделывали приблизительно за одну неделю. После прибытия в Фучжоу окинавские посланники наносили визиты и вручали подарки губернатору и другим высшим чиновникам. Здесь миссия разделялась. Посольство выезжало в Пекин ко двору указанным цинскими властями маршрутом. А ее сопровождение – чиновники средних рангов, купцы и т.д. оставались в Фучжоу, пока матросы сгружали на берег привезенные тюки, чинили корабли, закупали товары, составляли их описи, паковали и грузили на суда. К концу

сентября, когда все торговые операции и приготовления к отплытию на родину завершались, окинавские корабли отплывали домой, чтобы потом вернуться для доставки дипломатов, едущих на Окинаву из Пекина.

В какой же части миссии находился Мацумура? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение для понимания генезиса стиля Сюритэ. Если он остался в Фучжоу, то имел возможность в течение нескольких месяцев знакомиться с фуцзяньскими стилями ушу. Если же отправился в Пекин, то перед ним могла раскинуться совсем другая палитра северных стилей. Увы! Никаких сведений на этот счет у историков нет. Соответственно, существует и два разных, но почти в равной степени слабо обоснованных ответа на вопрос о том, где Мацумура почерпнул свои знания ушу.

Известные окинавские каратисты и исследователи истории середины – второй половины XX в. – Нагаминэ Сёсин, Сокэн Хохан, На-кама Тёдзо и др. – утверждали, что Мацумура познакомился с несколькими стилями ушу в Фучжоу. Нагаминэ пишет, что Мацумура ездил в качестве посла рюкюсского королевства в Фучжоу дважды. Не называя даты первой поездки, Нагаминэ утверждает, правда, не указывая источника информации, что вторая поездка мастера в Фучжоу состоялась в 1859 г. Однако никаких деталей об обучении окинавца в Китае этот автор не сообщает. Вместо них – весьма уязвимое для критики и ничем не подтвержденное сообщение о том, что, по рассказам, специалисты из Фучжоу – одного из главных центров практики ушу на юге Китая весьма уважали Мацумуру за его личные достоинства и незаурядное мастерство, что они радушно распахивали перед ним двери в свои залы и дозволяли свободно наблюдать за тренировками, несмотря на традицию секретности занятий ушу.

Сокэн Хохан и Накама Тёдзо утверждали, что Мацумура учился в Фучжоу ушу у «военных атташе» «А Сон» и «И Ва» (непонятно, впрочем, что делали китайские военные атташе в китайском же порту) и даже посетил овеянный легендами фуцзяньский монастырь Шаолинь-сы. Тут, правда, есть несколько проблем. Во-первых, стиль Сюритэ мало похож на Фуцзянь шаолинь-цюань. Во-вторых, еще в 1941 г. знаменитый китайский историк ушу Тан Хао после изучения письменных документов по провинции Фуцзянь и собственных полевых исследований в своей книге «Шаолинь цюаньшу мицзюе каочжэн» («Изучение секретов шаолиньского кулачного искусства») показал, что фуцзяньского Шаолиня в действительности никогда не было!

Иную позицию по вопросу, где изучал ушу Мацумура, занимает японский исследователь Фудзивара Рёдзо. По его словам, записи переводчика из Кумэ-муры Кодзё Исё (1833-1891) свидетельствуют, что Мацумура постигал кэмпо в частном додзё наставника «И Ва» в Пекине. Это подтверждают и рассказы ученика мастера Итосу Ан-ко (1831-1916), который якобы не раз говорил: «Наставником Мацумуры был И Ва из Пекина». Им, ссылаясь на рассказы отца, вторит основатель школы Кобаяси-рю Тибана Тесин (1885-1969): «Некий „И Ва“ был наставником ушу в императорском дворце в Пекине». Исходя из этих данных, Фудзивара полагает, что в 1836 г. Мацумура не задержался в Фучжоу, а выехал в Пекин.

Весь путь от Фучжоу до Пекина занимал от 40 до 90 дней. Маршрут проходил через современные города Наньпин, Инцао, Цзинь-хуа, Ханчжоу. У города Чжэньцзян путешественники переправлялись через реку Чаньцзян, далее через Янчжоу и Сюйчжоу добирались до г. Цзинань, близ которого переправлялись через Хуанхэ. Далее они двигались через Дэчжоу и Тяньцзинь и, наконец, попадали в Пекин. Протяженность маршрута, таким образом, составляла около 2,5 тысяч км. Большую часть пути миссии проделывали по воде на кораблях, но, тем не менее, дорога была очень утомительной и подчас опасной, так что цинский эскорт из 50 воинов был не просто данью престижу.

Приехав в Пекин, официальные посланники Окинавы и их сопровождение останавливались в специальном гостевом дворце Хуйтунгуань, предназначавшемся для размещения послов и прочих официальных лиц, приезжавших в столицу Срединного царства из вассальных государств. За его стенами располагался рынок Небесной лазури, где

рюкюсцы продавали привезенные с собой изделия ремесленников и скупали диковинки китайского производства. Безопасность рюкюсских посланников, согласно установленному порядку, обеспечивали 20 телохранителей из числа гвардейцев Восьмизнаменной маньчжурской армии, назначавшихся особым военным чиновником, отвечавшим за безопасность иностранцев. По имеющимся данным, охраняли дворец Хуйтунгуань главным образом воины ханьского происхождения (т.е. китайцы, а не маньчжуры).

Согласно «Подлинным записями великой династии Цин», окинавский полномочный посол Ко Дайкю прибыл в Пекин в конце декабря 1836 г. Возможно, именно в этот день, как телохранитель посла в Пекин вступил и Мацумура Сокон.

Обычно окинавские даннические миссии проводили в Пекине около 100 дней. Таким образом, Мацумура должен был провести в Пекине не менее 3-х месяцев, с декабря 1836 по конец марта 1837 г. Надо сказать, что время это для окинавцев, выросших в тропиках, было самым неподходящим, поскольку это самый холодный период года в Пекине, когда дуют сильные ветры, и выпадает обильный снег.

В те дни трон занимал 8-й император маньчжурской династии Сюань-цзун. Это было не лучшее время в истории маньчжурского правления. Многочисленные восстания различных религиозных сект и тайных обществ истощили казну государства, в страну ломились английские и французские колонизаторы, среди гражданских и военных чиновников процветала коррупция, страна пришла в беспорядок. Короче говоря, попал Мацумура в Пекин в очень и очень непростое, беспокойное время. Зато ушу в эту эпоху процветало, так как владение им стало одним из важнейших факторов обеспечения собственной безопасности. Так что у Мацумуры, вероятно, было немало возможностей познакомиться с китайскими воинскими искусствами. Тем более, что как телохранитель официального посла вассального государства он имел доступ во многие места, куда простая публика попасть не могла, и, как полагает Фудзивара Рёдзо, целыми днями жадно наблюдал за тренировками воинов Восьмизнаменной армии на их тренировочном полигоне или смотрел на занятия охраны императора, отрабатывавшей боевые приемы во Дворце воинской доблести – Уин-дянь.

Фудзивара предполагает, что гидом Мацумуры в его походах по залам ушу был Сакугава Канга, который, по расчетам, также входил в состав миссии. По имеющимся данным, это была уже третья поездка Сакугавы, и у него было немало влиятельных знакомых в городе. Вообще, Фудзивара считает, что Сакугава был своеобразным добрым гением для Мацумуры. По его мнению, именно он рекомендовал каратиста на пост телохранителя посла, договорился со знакомыми китайскими чиновниками о предоставлении ему пропуска для выхода и входа в запретный город, свел с нужными людьми. Фудзивара пишет, что невозможно представить себе, будто Мацумура, в котором бурлила энергия и который прошел чрезвычайную по трудности тренировку в школе кэн-дзюцу Дзигэн-рю, мог ограничиться лишь своей официальной работой, проходившей главным образом в стенах дворца Хуйтунгуань. Он считает, что Мацумура выбирался из него наружу по вечерам и в одиночку предавался тренировкам на соседней площади.

Когда и при каких обстоятельствах Мацумура познакомился со своим будущим учителем ушу мастером «И Ва», или, если признавать современное иероглифическое написание этого имени за подлинное, Вэй Бо по-китайски (яп. И Хаку), неизвестно. Фудзивара полагает, что «И Ва» был наставником императорских телохранителей, и что представил Мацумуру ему Сакугава Канга, который был давно знаком с мастером и практиковал тот же стиль ушу.

Какой стиль преподавал «Вэй Бо», совершенно неизвестно, да и имя его историки еше не отыскали в источниках того времени. Правда, Фудзивара обнаружил в анналах истории мастера по имени Пин Юнхэ. Его имя – Юнхэ – в японском прочтении звучит как «Эйва» – похоже на «И Ва». Может быть, именно он был учителем Мацумуры? Увы, никаких подтверждений этому нет.

Говорят, что в то время самым популярным стилем среди маньчжурских гвардейцев

был Синъи-цюань – Кулак формы и воли, и можно было бы предположить, что «И Ва» практиковал именно его, тем более, что, по свидетельству учеников Мацумуры, на склоне лет мастер часто рассказывал им истории о великом китайском военачальнике Юэ Фэе, которого легенды Синъи как раз именуют основателем стиля. Впрочем, анализ техники, зашифрованной в классических ката каратэ Найфанти, Кусянку и Усэйси (Годзюсихо), которые практиковал Мацумура, позволяет говорить об их генеалогическом родстве с северными стилями ушу, но никак не с Синъи-цюань. По мнению Фудзивары, стиль Мацумуры – родственник популярного северокитайского стиля Чжаомэнь-цюань, который традиционно возводят к легендарному императору Чжао Куанъиню. Нужно сказать также, что к Юэ Фэю возводят свои корни десятки стилей, существует и собственно Кулак Юэ Фэя – Юэ Фэй-цюань.

Какие же возможности были у Мацумуры для овладения кэмпо? Выше уже говорилось, что миссия должна была провести в Пекине каких-нибудь 3 месяца – срок слишком малый для того, чтобы серьезно изучить хотя бы основы нового стиля даже с учетом специфической подготовки окинавца. Кроме того, Мацумура все же был обременен дипломатической работой и не мог располагать собой по своему усмотрению. Однако, как полагает Фудзивара, обстоятельства сложились таким образом, что пребывание Мацумуры в Пекине сильно продлилось, а время почти целиком высвободилось.

Как полагает Фудзивара, следующий за рассказом Сакугавы Тёсе, якобы установившим, что Сакугава Канга умер в Пекине в 1837 г., незадолго до отправления посольства на родину «Тодэ» тяжело заболел, и было решено оставить его в Пекине до приезда следующей миссии. А поскольку Мацумура был самым близким Сакугаве человеком (оба были уроженцами Сюри, и Сакугава, как полагают, постоянно опекал Мацумуру), ему приказали остаться вместе с Сакугавой в качестве сиделки. Так каратисты остались в Пекине вдвоем. Сакугава вскоре после отъезда миссии умер, Мацумура похоронил его и остался совершенно один. До приезда следующего посольства оставалось еще очень много времени, а делать ему, похоже, было нечего. Чтобы как-то занять себя и избавиться от гложущей душу тоски, Мацумура, как следует из преданий семьи Кодзё, вооружился 120-сантиметровой палкой и отправился на площадку, где проходили тренировки маньчжурских гвардейцев. Там он стал вызывать на состязательные поединки наставников по технике боя мечом и копьем и, как утверждают легенды, побеждал их одного за другим. Якобы даже сам «И Ва», обучавший Мацумуру китайскому кэмпо, несмотря на мастерское владение шестом, не сумел с ним совладать. Пересказывая окинавские предания, Фудзивара пишет, что «вероятно, в то же мгновение, как Вэй Бо принял изготовку, его шест покатился по земле», имея в виду, что Мацумура ловким ударом выбил его из рук мастера.

Интересное и неожиданное подтверждение рассказам о подвигах Мацумуры в Пекине обнаружилось в высказываниях крупнейшего мастера стиля Синъи-цюань Шан Юньсяна: «Искусство боя мечом японцев поистине ужасно: застывают на месте недвижимо, а победу решают в одно мгновение. Но чтобы достичь такого мастерства, по сравнению с ушу, тренироваться нужно в десять раз больше. Поэтому мастеров у них немного. Некогда среди рюкюсцев, приезжавших в Пекин, был один мастер, использовавший технику японского меча, и не было никого, кто смог бы его одолеть в поединке. Однако сам этот рюкюсец поделился, что его мастерство не превышает среднего уровня».

Известно, что после возвращения на родину Мацумура переменил последний иероглиф в своем имени. Если ранее его имя Сокон означало «Потомок патриарха», то теперь оно стало означать «Шест патриарха». Фудзивара полагает, что это имя было пожаловано Мацумуре самим «И Ва». Возможно, что и свое китайское имя – У Чэньда (яп. Бу Сэйтацу), которое означает «Постигающий воинское искусство», Мацумура получил во время пребывания в Пекине, однако никакие подробности на этот счет неизвестны. Фудзивара высказывает предположение, что Мацумура по своей природной скромности вряд ли мог сам выбрать себе такое горделивое имя, и скорее всего, им одарил его какой-нибудь китайский мастер ушу или высокопоставленный чиновник, восхищенный его выдающимся

мастерством. Раз уж речь зашла об именах Мацумуры, скажем, чтс у него, помимо «Буси», было еще два прозвища: «Унъю» – «Облачный герой», «Буте» – «Глава боевого искусства».

Следующая дипломатическая миссия с Окинавы во главе с полномочным послом Рин Конэн, по данным китайской летописи «Сюань-цзун шилу», прибыла в Пекин в начале июня 1837 г. и отбыла на родину в последней декаде марта 1838 г., добралась до Фучжоу в первой декаде июня, а прибыла в порт Наха – в первой декаде июля. Таким образом, если предположение Фудзивары верно, Мацумура прожил в Пекине 1 год и 3 месяца – с декабря 1836 по март 1838 г., а всего провел в Китае около двух лет. Кэмпо он, вероятно, всерьез занимался около года. Основным его учителем был, видимо, наставник ушу восьмизнаменной армии «И Ва», но вполне возможно, что он посещал и другие залы в Пекине.

По возвращении на Окинаву Мацумура снова стал служить телохранителем короля и занимал этот пост приблизительно до 1860 г.

Ученики Мацумуры

Еще в бытность свою телохранителем короля Мацумура начал преподавать боевые искусства. Первыми его учениками, как полагает Фудзивара, были высокопоставленные чиновники Итарасики (Макиси) Исиминэ Тётю (1818-1863) и Куваэ Тёцу (1814-1880). Существует версия, согласно которой Мацумура попал в опалу из-за связей с его любимым учеником Итарасики Тётю, павшим жертвой интриг, и по этой причине был вынужден оставить службу. Но вполне возможно, и что Мацумура ушел в отставку просто по старости лет, чтобы иметь больше свободного времени, в том числе и для занятий каратэ.

В преклонные годы Сокон преподавал каратэ многочисленным ученикам на площади дворца Утяя удон – дачи королевского дома Сё – в Сакияма в Сюри. Об этом месте Нагаминэ Сёсин пишет следующее: «Во время королевства в Этом месте самураи оттачивали своей искусство в чайной церемонии, стрельбе из лука, в воинских искусствах».

В этот период его учениками были многие видные мастера каратэ конца XIX – начала XX вв.: Адзато (Асато) тикудон-но пэйтин Ан-ко (Ясуцунэ; 1827-1906/1828-1914), Итосу Анко (Ясуцунэ; 1832-1916), Тинэн Санда (1829-1915), Киндзё пэйтин (1832-1918), Исиминэ буси (1835-1889), Кян Тёфу (1835-1889), Сакихара пэйтин (1838-1918), Тибана Тёсе (1839-1919), Кюна (Киюна) тикудон-но пэйтин (1845-1920), Мацумура Набэ (Наби; 1850-1930), Тавада тикудон-но пэйтин (1851-1907), Куваэ Рёсэй (1853-?/1858-1920), Ябу Кэнцу (1866-1937), Фунакоси Гитин (1868-1957), Ханасиро Тёмо (1869-1945), Кян Тётоку (1870-1945).

Обращает на себя внимание, что учениками Мацумуры были исключительно высокопоставленные чиновники королевского двора (Итарасики Тётю – главный смотритель за торговыми операциями королевства Рюкю, Адзато Анко – советник короля Сё Тай, Итосу Анко – личный секретарь того же государя) и др., а также отпрыски знатных дворянских семей. Это позволяет предположить, что к занятиям кэмпо Мацумура допускал лишь представителей дворянского сословия. В этом – особенность Сюритэ, стиля окинавской элиты.

Старейший трактат каратэ

Через несколько лет после окончания второй мировой войны Нагаминэ Сёсин узнал, что с Тайваня на Окинаву вернулся Куваэ Рёкэй, старший сын Куваэ Рёсэя, одного из старших учеников Мацумуры. До него также дошел слух, что у Рёкэя хранится свиток, писанный великим мастером каратэ собственноручно. Естественно, Нагаминэ очень захотел познакомиться с этим ценнейшим документом и при первой же возможности в 1951 г. посетил дом Куваэ под предлогом сбора материала для книги по истории каратэ.

Оказалось, что у него и вправду хранится свиток кисти Мацумуры. Хозяин радушно

продемонстрировал его Нагаминэ и даже позволил сделать с него фотокопию. Сочинение Мацумуры Нагаминэ впоследствии опубликовал в своей книге. «Этот свиток является старейшим текстом, посвященным каратэ, написанным на Окинаве – родине этого боевого искусства. И, конечно, уже одно то, что это подлинник, написанный собственноручно Мацумурой, делает его авторитетным источником», – пишет исследователь. Познакомимся же с этим интереснейшим текстом, написанным великим мастером в возрасте более 70 лет, в переводе с японского языка:

«Ты должен знать подлинный смысл занятий боевым искусством. Посему я решил изложить то, что сумел постичь, ты же тщательно изучи то, [что написано здесь].

Итак, у гражданского и воинского Путей – один принцип. И гражданский, и воинский [Пути] разделяются на три Пути.

Три гражданских Пути суть Учение об изящной словесности, Учение о толковании [канонов], Учение о Пути [конфуцианского] ученого.

Учение об изящной словесности ограничивается сплетением слов в сложные выражения, составлением слов и предложений, умением высчитывать жалование, полагающееся знатным людям в соответствии с их титулами; Учение о толковании [канонов] состоит в постижении смысла канонов, обучении [канонам] других и собственном постижении их, но их нельзя назвать причастными Пути. Два этих учения дают славу лишь в литературном искусстве и потому их нельзя назвать подлинными учениями. Учение же о Пути [конфуцианского] ученого причастно Пути, оно [ведет] к постижению «вещей», делает мысль правдивой, «сознание» – правильным, благодаря этому семья приводится в порядок, страна усмиряется, и наступает мир. Вот это подлинное учение, Учение о Пути [конфуцианского] ученого.

Три воинских Пути (будо) суть воинское искусство ученых (гакуси-но бугэй), воинское искусство только по названию (мёмоку-но бугэй) и воинское искусство воинского пути (будо-но бугэй).

Что касается воинского искусства ученых, то [его последователи] полностью меняют методику тренировки, их мастерство поверхностно, [их воинское искусство] лишь доставляет хлопоты и превращается в подобие танца, как способ обороны оно не годится, а [его последователи] – все равно, что женщины.

Что касается воинского искусства только по названию, то [его последователи] не реализуют его на практике, мечутся из стороны в сторону, говорят лишь о победах, ссорятся или чинят вред людям или же причиняют себе травмы, а порой посредством [своего «искусства»] позорят родителей и братьев.

Что же касается воинского искусства воинского пути, то [его последователи] не витают в облаках, а посредством упорной непрестанной работы над собой (куфу; кит. гунфу) достигают мастерства, сохраняя покой, они выжидают, пока враг сам поднимет шум, и, захватив «сознание» врага, одолевают его. Их мастерство совершенствуется, и выявляется чудесно-мельчайшее, хотя они в состоянии совершить великое множество вещей, они не склоняются к ложному. Они также не затевают ссор. Храня верность и сыновнюю почтительность, они естественно проявляют мощь лютого тигра и скорость орла, птицы, они способны сокрушить любого врага.

Это воинское искусство запрещает насилие, управляет оружием, хранит людей, предопределяет заслуги, утихомиривает народ, усмиряет простой люд, приносит богатство. Это называется Семью добродетелями воинского искусства (бу-но сититоку), в книгах я встречал даже [места, где эти добродетели] восхваляют святые. Таким образом, у гражданского и воинского Путей – один принцип, посему воинское искусство ученых и воинское искусство только по названию бесполезны, а потому должно знать, что нужно овладевать воинским искусством воинского пути, видеть «момент» и откликаться на «изменения» и посредством этого подавлять [врагов]. Без утайки изложив то, что я должен тебе передать, я искренне желаю, чтобы ты помнил о необходимости тренироваться, следуя

изложенным выше указаниям.

На этом заканчиваю..

Мацумура Бутё

[Написано] в 13-й день 5-й луны

[Адресовано] мудрому ученику Куваэ».

Стиль Мацумуры

Оценивая роль Мацумуры Сокона в развитии каратэ и уровень его личного мастерства, историки не скупятся на похвалы. Его именуют «окинавским Мусаси», сравнивая с величайшим японским фехтовальщиком. Весьма верную, на мой взгляд, оценку Мацу-муре дал Нагаминэ Сёсин: «Мацумура Сокон, с одной стороны, занимал важные посты при королевском дворе Рюкю, а, с другой, глубоко изучил не только рюкюсское боевое искусство (каратэ), но и китайское кэмпо, а также японское искусство меча, обрел путь культивации сознания в конфуцианстве и, благодаря этому, овладел сущностно глубоким будо, в котором были слиты воедино „сознание“, „техника/умение“ (ги) и „тело“ (тай)».

Мацумура осуществил синтез староокинавского боевого искусства тэ, китайского кэмпо и японского будзюцу, выведя окинавское боевое искусство на новый уровень развития – уровень будо.

Особого внимания заслуживает влияние японского фехтования на каратэ – факт, до сих пор не оцененный в полной мере. Это влияние сказалось и в технике, и в тактике, и в методике, и в духе «китайской руки» столицы Окинавы Сюри.

В акценте Сюритэ на одном, смертоносном ударе явно просматривается родство этого стиля с Дзигэн-рю. Уверен, что не многие отечественные каратэки, любящие щегольнуть выражением «иккэн хиссацу» – «одним ударом – наповал», знают, что выражение это не окинавское, а японское, что пришло оно в каратэ из японского фехтования, где слово «кэн» записывается не иероглифом «кулак», как в окинавской традиции, а иероглифом «меч».

Обращают внимание исследователи и на тот факт, что в Китае такой важнейший тренировочный снаряд каратистов как макивара – столб, обмотанный соломой, на котором отрабатывают удары руками и ногами, – практически не встречается. Зато тренировка с макиварой сильно напоминает татикиути Дзигэн-рю – и по форме, и по сути. Не из японской ли школы фехтования пришла эта практика?

Ученик Мацумуры Итосу Анко создал серию из 5 ученических ката «Пинъан» («Хэйан» – «Мир и покой»). Эти комплексы пронумерованы, но не так, как в китайском ушу, где к обозначению комплекса – «синь»-»форма» или «лу»-»дорожка» – просто добавляют порядковое числительное. У Итосу к названию комплекса примыкает числительное с добавлением слова «дан» – «ступень»: седан – букв. «начальная ступень», нидан – «вторая ступень» и т.д. Полагают, что и в этом сказалось влияние Дзигэн-рю. Дело в том, что именно в этой школе фехтования процесс обучения разделяется на 4 «ступени»: седан, нидан, сандан, ёдан. Причем на уровне «сандан» изучаются ката «Пин» («Хэй» – «Мир») и «Ан» («Покой»), иероглифами которых и записал Итосу названия своих комплексов.

Многие ученики Мацумуры переняли у него в той или иной степени и искусство меча. Полагают, что в полной мере освоили Дзигэн-рю Итарасики Тётю и Адзато Анко. Прекрасно владел мечом и Ябу Кэнцу.

Помимо боя пустыми руками Мацумура преподавал своим ученикам и технику боя шестом, в которой он был очень хорош – не случайно ведь его прозвище – «Шест патриарха». О происхождении техники щеста Мацумуры среди историков идут споры. С одной стороны, «кон», по-китайски, «гунь», – китайский термин для обозначения палки, что, вроде бы, должно указывать на китайские корни палочного искусства мастера. С другой, базовые движения, боевые изготовки, перемещения техники Цукэнбо, которую он практиковал, точно такие же, как в искусстве боя палкой Дзигэн-рю. Вообще, сочетание каратэ и кобудо – отличительная черта именно традиции Сюритэ, в Нахатэ Хигаонны и в

Уэти-рю Уэти Камбуна ученики изучают кобудо только дополнительно и по другим стилям.

Мацумура стремился привить своим ученикам стиль боя на средней и дальней дистанции с преобладанием молниеносных дальнобойных прямых ударов руками и ногами, стопорящими блоками, относительно низкими и растянутыми стойками, с использованием «входа» прыжком с дальней дистанций и ставкой на один разящий удар.

В традиции Мацумуры особое внимание уделялось прямым ударам кулаком – цуки. Существовала специальная методика тренировки, позволявшая развить высочайшую: скорость этих ударов (см.: «Додзё», № 6, с. 33-36). В Сюритэ цукй наносится по кратчайшей траектории – строго по прямой линии к мишени – и поражает самые близкие и наиболее уязвимые точки противника: солнечное сплетение и подбородок противника. Этот удар должен быть незаметным. Для этого цуки начинается с движения кулаком, и только в последний момент, когда кулак уже находится в паре сантиметров от цели, в движение включаются бедра и плечи. У такого удара есть одна слабость – он недостаточно силен в начальной фазе, когда движение совершаетодна лишь рука. Решение проблемы таково: каратист из Сюритэ держит противника на дальней дистанции, постоянно маневрируя и пресекая его попытки сблизиться встречными ударами. В защите он использует либо жесткие травмирующие отбивы, либо стопорящие, давящие и выводящие из равновесия блоки, которые вынуждают противника остановиться в его рывке вперед и остаться на удобной для каратиста дистанции. Характерно, что в Сюритэ защиты предплечьем снаружи и изнутри выполняются с нажимом вперед. В правильном исполнении они не только отводят бьющую руку противника в сторону, но и через нее воздействуют на его позвоночник, выводя из равновесия; Возможно, на выборе такой тактики и техники Мацумуры сказались его физические данные: мастер имел довольно высокий по окинавским меркам рост в 170 см и вес 70 кг.

Предполагают, что Мацумура преподавал своим ученикам такие ката, как Найфанти, Кусянку, Усэйси (Годзюсихо), Сэйсян, Тинто и Пассай. О происхождении этих ката практически ничего неизвестно. По стилистике лишь можно сказать, что большая их часть имеет северокитайские корни. В частности, крупнейший японский специалист по китайскому ушу Касао Кёдзи видит в Кусянку «типичное, богатое различными изменениями ката кэмпо категории „длинные мосты, большие кони“, включающее такие приемы как два последовательных удара обеими ногами в прыжке, позиции с припаданием к земле, коренным образом отличающее от стандартных ката южного цюаньфа». Касао считает, что, судя по особенностям техники ката, велика вероятность его принадлежности к какому-то хэбэйскому или шаньдунскому стилю ушу.

Легенды о мастере Мацумуре

Фунакоси Гитин в своей автобиографической книге «Каратэдо» вкладывает в уста Мацумуры историю, рисующую его взаимоотношения как наставника каратэ с учеником – правителем острова. По словам мастера, правитель оказался безразличным учеником, пренебрегал совершенствованием техники, которая, несмотря на все его усилия, оставалась весьма слабой. Однажды Мацумура отметил некоторые из его слабостей и предложил ему нападать со всей силой. Король немедля атаковал двойным ударом ногами нидан-гэри – ударом, весьма опасным для применения в бою с опытным мастером, спосбным воспользоваться малейшим раскрытием противника. Мацумура решил воспользоваться этой ошибкой ученика, чтобы дать ему хороший урок. Он остановил его нидан-гэри рукой-мечом и заставил растянуться на земле. Правда, прежде, чем государь действительно ударился о землю, мастер подставил свое тело под него, от чего тот отлетел от него на три метра. Рассерженный и напуганный правитель на некоторое время лишился дара речи, а потом велел Мацумуре немедля покинуть дворец и не появляться до дальнейших указаний. Несколько месяцев Мацумура провел в отчаянии – король не посылал за ним. Но позже, осознав свою ошибку, он простил мастера и продолжил тренировки с ним.

Другая история изображает мастера обладателем едва ли не сверхъестественных способностей.

Однажды Мацумура (у Фунакоси это еще молодой человек, Фудзивара Редзо пишет, что ему было уже около 70, здесь изложена версия Фунакоси), находясь в Нахе, зашел в лавку гравера Уэхары, мастера каратэ и бодзюцу. Уэхаре было уже за сорок, но он все еще был в расцвете сил. У него была мощная бычья шея, под короткими рукавами его кимоно вздувались и перекатывались мышцы. Это был настоящий силач, известный и в Нахе, и в Сюри.

Мацумура был бледен и выглядел расстроенным, его голос звучал подавленно – дело было вскоре после инцидента с правителем, о котором шла речь выше. Он сказал граверу, что хотел бы заказать рисунок на медной чашке своей курительной трубки. Гравер взял трубку и, стараясь быть вежливым, спросил: «Да простит меня господин, но не Вы ли мастер Мацумура – учитель каратэ»?

– Да, – последовал лаконичный ответ, – что вам угодно?

– Я знал, что не мог ошибиться! Я уже давно мечтаю заниматься каратэ у Вас. Ответ молодого мастера был краток:

– Сожалею, но я больше не преподаю.

Гравер, однако, стал настаивать. Мацумура вновь отказался и поинтересовался, откуда у гравера такой интерес к занятиям у него. Оказалось, Уэхаре просто любопытно, что представляет собой каратэ мастера. Обстановка накалилась, и в итоге гравер бросил Мацумуре вызов на поединок. Было решено схватиться на следующий день в пять часов утра на кладбище возле дворца Кимбу.

Ровно в пять часов двое уже стояли лицом к лицу на расстоянии каких-нибудь десяти метров друг от друга. Гравер двинулся вперед, покрыв почти половину разделявшего бойцов пространства. Он опустил левую руку вниз в позицию блока гэдан-бараи, а правый кулак отвел к правому бедру. Мацумура же остался стоять на месте в естественной позе, положив подбородок на левое плечо. Сбитый с толку стойкой противника, гравер подумал, не сошел ли Мацумура с ума, так как тот выглядел совсем беззащитным. Уэхара приготовился атаковать. Как раз в этот момент Мацумура широко раскрыл глаза и посмотрел прямо в глаза граверу. И тут, остановленный молниеподобной силой,исходившей из его глаз, силач попятился. Мацумура даже не пошевелился, он стоял на том же месте, что и раньше.

Лоб гравера покрылся испариной, по телу потек пот; он чувствовал, как его сердце бьется непривычно часто. Уэхара сел на ближайший камень. Мацумура сделал то же самое.

– Что же случилось? – пробормотал гравер себе под нос. – Откуда этот пот? Почему сердце бьется так часто? Ведь мы не обменялись еще ни единым ударом!

Тут он услышал голос Мацумуры:

– Эй! Давай! Солнце поднимается. Может, наконец, начнем!?

Каратисты встали, и Мацумура принял прежнюю стойку. В этот раз Уэхара был преисполнен решимости завершить атаку и двинулся к противнику. И вот их разделяет уже не десять метров, а восемь, шесть, четыре. Тут гравер снова остановился не в состоянии продвинуться дальше, парализованный необычайной силой, сверкавшей в глазах Мацумуры. Его собственные глаза потеряли блеск, он стоял в оцепенении от исходившего из глаз Мацумуры сияния. В то же время силач не мог отвести взгляда от противника, где-то глубоко внутри он знал, что, если сделает это, то произойдет что-то ужасное. Что же ему следовало предпринять в этой, более чем странной, ситуации? Неожиданный громкий крик Уэхары – «Я-а-а!» – разнесся по всему кладбищу и эхом отразился от окружающих холмов. Но Мацумура по-прежнему стоял неподвижно. Увидев это, гравер отпрянул назад в полном смятении. Мацумура улыбнулся.

– В чем дело? – спросил он. – Почему ты не нападаешь? Ты же не победить одним только криком!

– Не знаю.., – ответил гравер. – Я никогда прежде не проигрывал поединки. Но сейчас…

После минутной паузы он поднял голову и тихо сказал Мацумуре:

– Да, давай продолжим! Результат поединка уже предрешен, но нужно покончить с этим. Если мы этого не сделаем, я потеряю лицо – а я предпочитаю смерть. Предупреждаю тебя, что буду драться до конца.

– Хорошо! – сказал в ответ Мацумура. – Давай!

– В таком случае, прости меня, если можешь, – сказал гравер, бросаясь в атаку.

Но в тот же миг из горла Мацумуры вырвался крик, который поразил гравера, как гром. Он парализовал его. Уэхара почувствовал, что не может пошевелиться, сделал последнюю попытку атаковать и рухнул на землю. В нескольких шагах от него солнце осветило золотым светом голову Мацумуры. Распростертому на земле граверу он казался одним из древних божественных царей, которые побеждали демонов и драконов.

– Я сдаюсь! – сказал бедный гравер. – Я сдаюсь!

– Как!? – воскликнул Мацумура. – Не подобает мастеру говорить такие вещи!

– Я был глупцом, когда бросил Вам вызов, – сказал гравер, поднимаясь на ноги. –

Результат был очевиден с самого начала. Мне очень стыдно. Между моим искусством и Вашим нет никакого сравнения.

– Вовсе нет, – снисходительно ответил Мацумура. – Твой бойцовский дух превосходен, и, я подозреваю, ты достаточно искусен. Если бы мы дрались, то, возможно, я был бы побежден.

– Вы мне льстите, – сказал гравер. – Правда в том, что, только взглянув на Вас, я почувствовал себя совершенно беспомощным. Я был так напуган вашим взглядом, что утратил весь боевой дух.

Голос Мацумуры стал тихим.

– Возможно, – сказал он. – Но я знаю вот что: ты был полон решимости победить, а я был полон решимости умереть, если проиграю. Вот в чем была разница между нами. Послушай, – продолжал он. – Когда я зашел в твою лавку вчера, я был очень расстроен. Когда ты бросил мне вызов, я беспокоился и по этому поводу тоже, но как только мы стали драться, все мои волнения внезапно исчезли. Я осознал, что меня мучили сравнительно незначительные вещи – оттачивание техники, способность преподавать, лесть государю. Я был поглощен мыслями о том, как удержаться на своей должности. Сегодня я мудрее, чем вчера. Я – человеческое существо, а человеческое существо – уязвимое создание, которое не может быть совершенным. После того, как оно умирает, оно снова возвращается к первоэлементам – земле, воде, огню, ветру и пустоте. Суть в пустоте. Все суета. Все мы похожи на стебли травы или деревья леса – создания Вселенной, Вселенная не ведает ни жизни, ни смерти. Суета – вот единственное препятствие жизни.

Сказав это, он замолчал. Уэхара также хранил молчание, размышляя над бесценным уроком, который был ему преподан. И когда в последующие годы он рассказывал об этом происшествии своим друзьям, он в самых ярких выражениях описывал своего бывшего противника как человека истинного величия. Что же касается Мацумуры, то он в скором времени вновь был возвращен на свою прежнюю должность наставника короля.